

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Война с Японией.

* По возвращении моем в Петербург как-то заехал ко мне Курино, японский посланник, человек умный, его point d'honneur как посланника было, чтобы войны не было. Он любил Россию, насколько японец мог ее любить. Он мне передал, что переговоры ведутся так, что Россия, видимо, хочет войны. Япония дает ответы немедленно, а Россия через недели или месяцы.

Ламсдорф ссылается на Алексеева; Розен и Алексеев на то, что государь в отъезде.

Если бы в это время Россия не делала приготовления к войне, то Япония могла бы не беспокоиться. Между тем со всех сторон говорят о приготовлениях. Общественное мнение в Японии все более возгорается, и правительству очень трудно его удерживать. Япония такая же независимая страна, как и всякая другая, для нее унижительно вести переговоры с каким-то заместителем Дальнего Востока, точно Дальний Восток принадлежит России или Россия протектор Дальнего Востока. Я отвечал, что сделать ничего не могу, так как вне власти, и советовал обратиться к графу Ламсдорфу. Курино ответил, что Ламсдорф играет роль передатчика и в этих пределах себя держит.

В конце года государь переехал в Петербург, и в начале января начались придворные балы, как ни в чем не бывало *.

На одном из них я встретил японского посла в Петербурге — Курино, который подошел ко мне и сказал, что он считает нужным меня предупредить, чтобы я повлиял на министерство иностранных дел, чтобы оно дало скорее ответ на последнее заявление Японии; что вообще переговоры с Японией ведутся крайне вяло, ибо на заявление Японии в течение целой недели не дается ответа, так что, очевидно, все переговоры с Японией об урегулировании Корейского и Манчжурского дела нарочито замедляются, что такое положение дела вывело из терпения Японию, что он,

как друг наш, умоляет дать скорее ответ, ибо, если в течение нескольких дней не будет дан ответ, то вспыхнет война.

Этого Курино я знал еще до моего ухода с поста министра финансов; он мне и графу Ламсдорфу в июле месяце 1903 г., за месяц до моего ухода с поста министра финансов, представил проект нашего соглашения между Японией и Россией относительно дальневосточных дел, который, если бы был принят, устранил бы разрешение дальневосточного дела посредством войны.

По-моему соглашение это было вполне приемлемо, и я на этом настаивал; но мои настояния ни к чему не привели, и все это соглашение было послано на заключение наместника Алексея. Там застряло, или вернее говоря, вследствие этого заявления и начались бесконечные переговоры, которые тянулись с июля до января и ничем не кончились.

Такое решительное заявление Курино заставило меня передать его слова графу Ламсдорфу; граф Ламсдорф мне ничего определенного не ответил, а сказал только: «Я в этом отношении ничего не могу сделать, так как переговоры ведутся не мною».

Это было так в середине января.

В конце концов во-время мы ответа не дали, и 26 января японские суда напали на нашу эскадру около Порт-Артура и потопили несколько из наших судов, а 27 января последовал манифест о войне.

На другой день был торжественный молебен в Зимнем дворце; молебен этот был довольно печальный в том смысле, что тяготело какое-то мрачное настроение.

Когда его величество вышел из церкви и направился в свои покои, я был недалеко от его величества; когда государь проходил мимо генерала Богдановича, Богданович закричал «ура» и это «ура» было поддержано только несколькими голосами.

Затем, в тот же самый день, я видел его величество проезжающим около моего дома на Каменноостровском проспекте, в коляске с императрицей; государь ехал с визитом к принцессе Альтенбергской. Его величество, проезжая мимо моего дома, обернулся к моим окнам и, видимо, меня увидел, — у него было выражение и осанка весьма победоносные. Очевидно, происшедшему он не придавал никакого значения в смысле, бедственном для России.

* Началось ужасное время. Несчастнейшая из несчастнейших войн и затем, как ближайшее последствие — революция, давно подготовленная полицейско-дворянским режимом или, вернее, полицейско-дворцово-камарильным режимом. Затем революция перешла в анархию. Что бог сулит нам далее? Во

всяком случае еще много придется нам пережить. Жаль царя. Жаль России. Сердце и душа исстрадались, и покуда нет про света. Бедный и несчастный государь! Что он получил и что оставит? И ведь хороший и неглупый человек, но безвольный, и на этой черте его характера развились его государственные пороки, т.-е. пороки как правителя, да еще такого самодержавного и неограниченного. Бог и Я.

Администрацией был устроен ряд уличных манифестаций, но они не встретили никакого сочувствия. Было сразу видно, что война эта крайне непопулярна, что народ ее не желает, а большинство проклиняет. Уже по одному этому ожидать хороших результатов от войны было невозможно.

Когда Куропаткин покинул пост военного министра и поручение ему командования армией еще не было решено, он упрекал Плеве, что он — Плеве—был только один из министров, который эту войну желал и примкнул к банде политических аферистов. Плеве, уходя, сказал ему:

— Алексей Николаевич, вы внутреннего положения России не знаете. Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война.

Вот вам государственный ум и проницательность Государь был, конечно, глубочайше уверен, что Япония, хотя может быть с некоторыми усилиями, будет разбита вдребезги. Что же касается денег, то бояться нечего, так как Япония все вернет посредством контрибуции.

В первое время обыкновенное выражение его в резолюциях было «эти макаки». Затем это название начали употреблять так называемые патриотические газеты, которые в сущности содержались на казенные деньги *.

Главнокомандующим армией был назначен Алексеев, наместник на Дальнем Востоке; он мог быть таким же главнокомандующим, как и я, никогда он воином не бывал, дел с сухопутными войсками не имел и сделал свою морскую карьеру более своею дипломатичностью, нежели морскою службою.

Будучи молодым морским офицером, Алексеев совершал путешествия с великим князем Алексеем Александровичем. Когда этот великий князь, будучи молодым, женился на Жуковской, то он был послан императором Александром II, для отрезвления, в кругосветное путешествие. Как говорят, в Марсели молодой великий князь с компанией товарищей моряков отправился ночью в веселое заведение с дамами. В этом заведении великий князь совершил различные буйства и поэтому был привлечен к ответственности. Но вместо него явился молодой офицер Алексеев, который уверил, что это он совершил буйства, и что буйства эти только по ошибке приписали великому князю, потому что фамилия его Алексеев, а французские власти не разо-

брали и вообразили, что буйства эти учинил великий князь Алексей.

Затем Алексеев понес наказание в виде денежного штрафа и все время был в большой дружбе с великим князем, который впоследствии при императоре Александре III сделался генерал-адмиралом.

Таким образом, Алексеев и сделал свою карьеру; по рекомендации же великого князя он был назначен и начальником Квантунской области.

Конечно, генерал-адмирал никогда не мог и вообразить, что Алексеев потом делается наместником Дальнего Востока, а в особенности главнокомандующим русской громадной действующей армией. Это было такое сказочное явление, которое не могло прийти и в голову великому князю Алексею Александровичу.

Я помню, что, когда я в 1903 г. приехал в Порт-Артур, то, когда Алексеев сделал смотр войскам и я, в качестве шефа пограничной стражи, имеющий поэтому военный мундир, пришел на смотр в военном мундире, — я думал, что Алексеев сядет верхом и будет делать смотр верхом, поэтому я сам собрался поехать верхом, так как, проезжая по Восточно-Китайской дороге и осматривая пограничную стражу, я всегда ездил на эти смотры верхом. К моему удивлению Алексеев не сел верхом. Оказалось, что Алексеев не может ездить верхом и боится лошади.

Мне рассказывали анекдоты относительно Алексеева и его отношения к сухопутным войскам. И вот, вдруг такого человека сделали — шутка ли — главнокомандующим действующей армией, которая в то время состояла из нескольких сот тысяч человек, а потом дошла до миллионного состава.

Под давлением общественного мнения, которое относилось крайне недоверчиво к назначению Алексеева, вскоре, а именно 8 февраля, командующим армией был назначен военный министр Куропаткин.

Это назначение последовало по желанию общественного мнения; общественное мнение единогласно требовало назначения Куропаткина, питая к нему большое доверие. Таким образом можно сказать, что это назначение было сделано не по инициативе его величества, и даже вопреки симпатиям его величества, — исключительно по единогласному желанию общественного мнения, насколько оно выражалось в газетах.

Самое это назначение все-таки являлось довольно абсурдным, оказывалось: русская армия будет под командою двух лиц: с одной стороны — главнокомандующего, наместника Дальнего Востока Алексеева, а с другой — командующего армией, бывшего военного министра, генерал-адъютанта Куропаткина. Очевидно, что такая комбинация противоречит самой азбуке военного дела,

требующего всегда единоличия начальства, а в особенности во время войны. Поэтому от такого назначения, конечно, кроме сумбура, ничего произойти не могло.

Когда Куропаткин уезжал, то он отправлялся на войну со всевозможною помпой, говорил различные речи, как будто бы он уже возвращался с войны победителем Японии. Конечно, было бы гораздо тактичнее и умнее с его стороны уехать на войну спокойно и возвращаться с помпой с войны, уже будучи победителем. К сожалению, вышло совершенно обратное.

Вечер перед своим выездом он провел у меня, и вот какой у меня с ним был разговор.

Он говорил, что я, как лицо очень близко знающее Дальний Восток и положение дела как в Китае, так и в Японии, может быть, ему бы дал совет относительно общего плана ведения войны. Я просил Куропаткина изложить свой взгляд, он мне сказал, что так как мы к ведению войны не подготовлены, требуется много месяцев для того, чтобы усилить нашу действующую армию, то он полагает вести войну по следующему плану: покуда не соберется армия в должном составе, с действующими нашими на Дальнем Востоке силами постоянно отступать к Харбину, замедляя лишь наступление японской армии; Порт-Артур предоставить своей участи, при чем, по его соображению, Порт-Артур должен был держаться много месяцев. В это время собирать армию недалеко от Харбина, и когда наша отступающая армия дойдет до этого места, то лишь после этого начать наступление на японские силы и эти силы разгромить.

Я с своей стороны сказал ему, что его план действия разделяю; что, по моему мнению, другого плана быть не может, так как мы к войне не подготовлены, а Япония к ней подготовлена. Театр военных действий находится почти под рукой Японии и в громадном расстоянии от Европейской России, центра всех наших как военных, так и материальных сил.

Когда мы обменялись мыслями, то Куропаткин встал с кресла, на котором он сидел, чтобы со мною проститься, и обратился ко мне с такою речью: «Сергей Юльевич, вы человек такого громадного ума, таких громадных талантов, наверное, вы на прощанье могли бы дать мне хороший совет, что мне делать». Я ему сказал: «Я бы мог вам дать хороший совет, но только вы его не послушаете». Он с жадностью накинулся на меня, прося сказать, в чем заключается мой совет. Я его спросил: «Вы с кем едете на Дальний Восток?»; он сказал, что с несколькими адъютантами и лицами, которые составят на месте его штаб, и на мой вопрос: «Лица эти таковы, что можно им вполне доверять?»; он ответил: «Конечно». Тогда я ему сказал: «Теперь главно-

командующий адмирал Алексеев находится в Мукдене; вы, конечно, поедете прямо в Мукден, и вот, что я бы на месте вас сделал: приехавши в Мукден, я бы послал состоящих при мне офицеров к главнокомандующему, приказав этим офицерам арестовать главнокомандующего. В виду того престижа, который вы имеете в войсках, на такой ваш поступок не будут реагировать. Затем я бы посадил Алексеева в тот поезд, в котором вы приехали, и отправил бы его под арестом в Петербург и одновременно бы телеграфировал государю императору следующее: ваше величество, для успешного исполнения того громадного дела, которое вы на меня наложили, я счел необходимым, приехавши в действующую армию, прежде всего арестовать главнокомандующего и отправить его в Петербург, так как без этого условия успешное ведение войны немыслимо; прошу ваше величество за мой такой дерзкий поступок приказать меня расстрелять, или же, в видах пользы родины, меня простить».

Тогда Куропаткин засмеялся, начал махать руками и сказал мне: «Вот, Сергей Юльевич, вы всегда шутите»; на что я ему ответил: «Я, Алексей Николаевич, не шучу, ибо я убежден, что в том двоевластии, которое обнаружится со дня вашего приезда, заключается залог всех наших военных успехов».

* Куропаткин ушел, сказав: «А вы правы».

На другой день он уехал, провожаемый, как победитель японцев. Таких проводов нигде и никогда не устраивали полководцам, «идущим на рать».

Приехавши в действующую армию, Куропаткин не только не обосновался в Мукдене, а еще было бы правильнее севернее его, не только не начал проводить в исполнение разумный план, им мне высказанный, но сразу начал проводить двойственный план: смесь своего с планом или, вернее, мыслями Алексеева, ибо у последнего никакого плана не могло быть, да и мыслей своих не было, а было то, что казалось ему, что будет приятно государю, а ведь тогда еще сохранились все остатки сумасбродных мыслей Безобразова и К-о, и государь не мог отойти от того, что ему сими дельцами было внушено: японцы—это «макаки», мы их уничтожим.

Так как главная квартира главнокомандующего была в Мукдене, а Куропаткин не без основания не желал иметь свою главную квартиру там, где был Алексеев, то он обосновался значительно южнее Мукдена. Затем главнокомандующий Алексеев совсем не разделял системы пассивного отступления, а напротив, проводил систему активного наступления, в особенности для выручки Порт-Артура.

Командующий войсками Куропаткин не без основания считал Алексеева полным ничтожеством, гражданским моряком, а, главное, карьеристом. Главнокомандующий же Алексеев ненавидел Куропаткина и желал ему в душе всяких неудач. Первый телеграфировал в Петербург одно, второй другое, но первый все-таки не хотел разрыва со вторым, а потому шел на полумеры, а второй покрывался высочайшими повелениями, иногда сам их внушая.

Мне Куропаткин после войны говорил, что у него есть телеграммы из Петербурга, которые могли бы представить в истинном свете неудачи первой части кампании. Вероятно, когда-нибудь они появятся в свет.

Государь также желал в душе наступлений, но по обыкновению двоился: сегодня — направо, завтра — налево, а главное желал, как всегда, обоих провести. Проводил же он всегда больше всего самого себя. Я не знаю подробностей первой части кампании, покуда Алексеев не был вызван в Петербург и Куропаткин не был назначен главнокомандующим, но могу безошибочно утверждать, что первая часть кампании разыгралась бы совершенно иначе, если бы не было этой двойственности; она была бы более для нас благоприятной. А неудача вначале, несомненно, имела влияние на вторую часть действий.

Затем Куропаткин мне говорил также в оправдание свое, что ему назначили бездарных генералов помимо его воли и вмешивались все время из Петербурга. На эти сетования я ему ответил, что во всем он сам виноват, так как не исполнил моего совета, данного ему, когда он уезжал в армию. Если бы он сумел себя сразу поставить так, чтобы никто не вмешивался и его слушались, то ему не пришлось бы ссылаться на других. Если же это ему было невозможно, что я совершенно понимаю, зная характер государя, то ему следовало уйти*.

Насколько в то время оптимистически смотрели на войну с Японией, между прочим может служить доказательством следующее: когда война была объявлена 27 января 1904 г., то бывший военный министр Ванновский совещался с Куропаткиным относительно шансов этой войны, при чем они разошлись в своих мнениях по следующим вопросам: Куропаткин считал, что нам нужно выставить на театр военных действий на полтора солдата японских — одного русского, а Ванновский находил, что совершенно достаточно на двух солдат японских выставить одного нашего солдата. Вот как бывший в то время военный министр и его предшественник оценили сравнительное достоинство японской армии и нашей.

Когда началась война, то его величество весь 1904 г. все время ездил напутствовать войска, отправляемые на Дальний Восток. Так в начале мая государь с этой целью ездил в Белгород, Полтаву, Тулу, Москву, затем в июне в Коломну, Пензу, Сызрань и другие города. В сентябре в Одессу, Ромны и другие места на западе. В сентябре ездил также в Ревель для осмотра наших некоторых судов. Затем в октябре в Сувалки, Витебск и другие города. Наконец, в декабре в Бирзулу, Жмеринку и другие южные города.

Все эти поездки имели целью напутствования войск и новобранцев, следовавших на Дальний Восток, при чем его величество и ее величество раздавали войскам образа, и между прочим, образ Серафима Саровского.

А так как в течение всего этого года, так и 1905 г., мы все время на театре военных действий терпели поражения самые жестокие, то это и дало повод генералу Драгомирову сказать злую шутку, которая затем распространилась по России. Он сказал: «вот мы японцев все хотим бить образами наших святых, а они нас лупят ядрами и бомбами, мы их образами, а они нас пулями».

В главных чертах в 1904 г. война протекла в следующих событиях: 31 марта погиб наш броненосец «Петропавловск» с адмиралом Макаровым и частью команды. Так как адмирал Макаров был начальником нашего дальневосточного флота, то с гибелью броненосца «Петропавловска», после других уронов в наши суда, наш дальневосточный флот можно было признать обреченным на полное бездействие.

17 и 18 апреля мы проиграли Тюренченский бой. 28 апреля японцы высадились в Бидзиво, что было началом гибели Порт-Артура. 28 мая произошел морской бой у Порт-Артура, где мы опять потеряли несколько наших судов. 17 — 23 августа мы проиграли большой бой при Ляойяне и начали отступление к Мукдену.

Когда мы отступили к Мукдену, то Куропаткин в приказах по армии объявил, что уже далее он не отступит ни на один шаг. 22 декабря пал Порт-Артур, а затем дальнейший наш разгром уже происходил в 1905 г., при чем мы потеряли громаднейшее сражение в Мукдене и должны были отступить по направлению к Харбину.